

# РЕЦЕНЗИИ

В. П. СТЕПАНЕНКО

**Рец. на: Крамаровский М. Г. Человек средневековой улицы. Золотая Орда, Византия, Италия. – СПб.: Евразия, 2012. – 496 с., 90 илл., 48 с. цв. илл.**

В одной из статей сборника, посвященного юбилею Марка Григорьевича Крамаровского, он назван джучиеведом, что, несомненно, значительно сужает масштаб личности юбиляра как исследователя. Название рецензируемой работы значительно расширяет и уточняет круг его интересов – от Золотой Орды до Италии. Заголовок «человек улицы» призван продемонстрировать, что объектом исследования является культура средневекового города на основе совокупности всех категорий источников – от археологических до нарративных.

Город вполне конкретен – М.Г. Крамаровский вот уже тридцать лет работает в Старом Крыму-Солхате, одной из столиц Золотой Орды и, несомненно, одном из типичных городов эпохи. Особенностью Солхата является его местоположение – в Крыму, на стыке, как минимум, четырех культур: собственно ордынской, при всей сложности составляющих ее компонентов, малоазийской («румской»), провинциальной итальянской и столь же провинциальной византийской.

Монография состоит из трех неравноценных по объему разделов и 25 очерков. Естественно, что раздел I «Дешт-и-Кыпчак и Крым в монгольскую эпоху» наиболее полон – 15 очерков, раздел II «Золотая Орда и Византия» состоит из 3 очерков и раздел III «Золотая Орда и Италия» – из 7. Вероятно, возможно было бы выделить разделы, посвященные контактам Орды с Румом и Египтом, но соответствующие очерки



попали в первый раздел. Часть работ была издана ранее в виде отдельных статей, часть публикуется впервые. В первом очерке автор ставит проблемы специфики культуры Дешт-и-Кыпчак в границах улуса Джучи. Далее эта проблематика продолжается и детализируется в очерках, посвященных ордынской торевтике (I.2,6) и керамике (I.3,4).

Автор характеризует особенности ордынской цивилизации, отмечая ее сложность и многокомпонентность, во многом связанную как с теми хозяйственными укладами, которые ее породили – кочевым скотоводческим и оседлым земледельческим, так и этно-культурным многообразием ее населения, особенно в Крыму XIII-XIV вв. В том же Солхате проживали сармато-алано-готы, как называет А. И. Айбабин местное население, потомки монголов, кыпчаки, тюрки, в том числе и выходцы из Малой Азии (т.н. сельджуки), греки и армяне, вероятно, персы и арабы, «франки», преимущественно генуэзцы, владевшие в это время крымским побережьем от Керчи до Чембало. На юго-западе Крыма в это время медленно умирал византийский Херсон и формировалось христианское княжество его округи (будущее Феодоро), позже – юрт Гиреев. В устье Дона находилась венецианская Тана. Все это предопределило предельную пестроту и сложность как этнического и конфессионального состава населения Крыма золотоордынского периода, так и многовекторность его внешних контактов от Армении, Рума, Киликии и мамлюкского Египта до Византии и Италии.

Название книги предельно широко и охватывает всю пестроту сюжетов и многогранность исследований. Вряд ли человек средневековой улицы применительно к золотоордынскому городу носил золотой пояс или же пояс с эмальями (I.6), хотя находка венецианского стекла в округе Солхата дала возможность исследователю констатировать достаточно широкий в социальном плане ареал его использования (III.24).

Как отмечалось ранее, основные научные интересы М. Г. Крамаровского связаны с археологическими исследованиями золотоордынского Солхата. Как следствие, большая часть разделов книги прямо или косвенно посвящена ему или основана на добытых здесь материалах. В то же время основой ряда статей явились как прошлые находки в Крыму (Симферопольский клад), так и недавние в Азове (чаша с фениксами).

Раздел «Монгольский пир и чингизидская сокровищница» основан как на анализе группы монгольских поясных чаш, так и текстах хронистов эпохи. Пир как ритуал был достаточно формализован, анализ источников дал возможность исследователю определить «место посуды из золота и серебра в обыденной жизни и на пиру». Как выясняется, наличие поясной чаши из драгоценного металла в известной степени было связано со статусом ее обладателя в монгольском обществе.

Полиэтничность населения Золотой Орды имела следствием и его полилингвизм. В монгольской среде говорили на старомонгольском, уйгурско-карлукском и тюркском, до перехода на арабскую графику пользуясь уйгурским письмом. Позже

монгольский был вытеснен среднеазиатским, тюркским с заимствованиями из арабского и персидского языков. Но постепенно на основе кыпчакских диалектов формируется разговорный язык, тогда как арабская графика в связи с исламизацией монголов становится преобладающей в рукописной традиции. Немногочисленность сохранившихся до наших дней рукописей в известной степени компенсируется эпиграфическими памятниками, дошедшими до нас в большом количестве. И если распространение арабского языка, языка Корана, было связано с процессом исламизации, то формирование городской культуры в известной степени опиралось на персидский язык и связанные с ним традиции. Определенную роль здесь играли не только непосредственные контакты с государствами Чагатаидов и Ильханов, но и опосредованные – через Румский султанат, где фарси был языком двора, бюрократии и культуры.

Культуре христианских общин Золотой Орды посвящены очерки I.4 и I.9. Яркими представителями данных общин, в большей степени, являются армянские, чье появление на территории Орды было связано как со сложной внешнеполитической ситуацией в Закавказье и Киликии, так и с формированием золотоордынского города, в коем они приняли активное участие как ремесленники и торговцы. Существование армянских скрипториев на ордынской территории и особенно в Крыму общеизвестно, а их контакты со скрипториями вне Орды, от Египта до Италии, давно исследованы. Особенно показательны это для Солхата, где рукописи переписывали как в самом городе, так и в армянских монастырях округи. Косвенные данные свидетельствуют в пользу существования в том же Солхате католической общины, преимущественно итальянской, и, вероятно, генуэзского квартала или подворья.

На основании множества примеров автор демонстрирует значимость конфессиональной принадлежности, которая в данный период явно преобладала над этнической. Тюрки принимали православие, армяне – католицизм, греки – ислам. Для XIII в. это ярко описано армянским поэтом Ованесом Ерзынкаци Плузом в его «песне любви» «Ованес и Айша».

Проблемы контактов Крыма с Малой Азией в период существования Румского султаната и в эпоху бейликов ставятся и решаются в трех очерках. Основой для выделения малоазийского (сельджукского) компонента в культуре золотоордынского Крыма явились как памятники архитектуры самого Солхата («мечеть Узбека», медресе Инджи бек Хатун и др.) (I.13), так и произведения прикладного искусства – торевтики, керамики, стекла, как, например, пояс из погребения в Мангупской базилике (I.10), знаменитая ныне благодаря публикациям М. Г. Крамаровского чаша («тазик») с пиршественной сценой из Солхата (I.11) и стеклянная лампа мечети оттуда же (I.12).

Анализируя данные памятники и привлекая немногочисленные аналогии, исследователь рассматривает парадные пояса, выделяя группу, созданную на территории Малой Азии и стилистически близкую к ней, по его мнению, созданную в Крыму.

Более детален анализ технологии производства, декора и сюжетной композиции

чаши из Солхата. По причине единичности и уникальности памятника, и не только для Крыма, М. Г. Крамаровскому пришлось обратиться к ближневосточной ремесленной традиции Сирии и Малой Азии (керамика из Эль Мины и Амасьи), истолковав сцену на чаше как изображение молодежной пирушки в духе футтувы. Как следствие, из массы крымской керамики данного периода удалось впервые выделить группу, связанную с малоазийскими центрами, мало и плохо известную «сельджукскую» керамическую традицию.

Архитектурным памятникам Солхата посвящены очерки I.13 и I.14. Автор рассматривает их в контексте малоазийской архитектурной традиции, приводя в качестве аналогий декор малоазийских сооружений румского периода. К сожалению, большая часть зданий Солхата как религиозного, так и светского предназначения известна нам или по «Запискам» Эвлии Челеби, или же находится в руинированном состоянии. Судя по зарисовкам М. М. Иванова, ныне хранящимся в Русском музее, в конце XVIII в. портал медресе еще не был разрушен. К сожалению, этот рисунок в очерке не воспроизведен, хотя он и дает относительно полное представление об архитектурных формах и декоре памятника. Продолжаются дебаты относительно принадлежности портала, аркады и михраба т.н. мечети Узбека ныне существующему зданию. По мнению М. Г. Крамаровского, они были заимствованы из старой мечети, местоположение которой ныне неизвестно, и встроены в новое здание. И медресе, учитывая, что фрагменты его декора хранятся в разных музеях Украины и России, и мечеть нуждаются в отдельном монографическом исследовании.

Несколько вне контекста раздела оказались два очерка, посвященных предельно ярким и уникальным памятникам, имеющим косвенное отношение к золотоордынскому Крыму, но ярко характеризующие восточные контакты Золотой Орды со Средней Азией-Ираном и юаньским Китаем. Первый посвящен кубку с фениксами из Азова (I.5), второй – поясу с эмальями из Киргизии (I.15). При кажущейся уникальности азакского кубка автору удалось обнаружить аналогии в плане декора и технологии производства на территории государства Чагатаидов в Ургенче и Сарайчике и проследить истоки сюжетной композиции в фарфоре юаньского Китая. Пояс с эмальями из Шельджи атрибутирован юаньскому Китаю, хотя подобная технология известна там не ранее минского периода, т.е. со второй половины XIV в.

Второй раздел работы состоит из трех очерков, призванных охарактеризовать контакты ордынского Крыма с Византией и с тогда уже не принадлежавшими им Балканами, преимущественно Вторым Болгарским царством. Исследователь анализирует поливную керамику эпохи на примере чаш из Крыма (замегаим, что иллюстрации 59 и 60 переставлены местами) и Болгарии (Несебр), интерпретируя сюжет последней как эпизод «Дигениса Акрита», а саму чашу рассматривая как характерный образец византийского сграффито.

Кладам из крепости Долище около Варны, изданным в свое время В. Павловой, посвящен большой очерк «Анатолия, Добруджа и Восточный Крым во второй половине XIII – XIV вв. по данным археологии». В Долище найдены византийские

наперсные иконки с изображениями Христа св. воинов (нагрудные, а не наградные – как в тексте) и пять парадных поясов, атрибутированных как воинские и наградные. Много сложнее проблема места их изготовления и принадлежности к той или иной ремесленной традиции, так как стилистически они весьма разнородны, а временами и эклектичны. Тем не менее, исследователь приписывает, по крайней мере, два пояса болгарским мастерам, отмечая в то же время в их декоре малоазийские мотивы, как-то византийские и преимущественно сельджукские. По его мнению, в данный период имело место появление тюркских контингентов на Балканах в связи с усобицами в Руме, одним из последствий которых было бегство султана Изз ад дина Кейкавуса II в Крым и его пребывание в Солхате.

И, наконец, последний раздел «Золотая Орда и Италия» состоит из 7 очерков, призванных хотя бы фрагментарно, насколько это позволяют источники, проследить прямые или опосредованные контакты Крыма, и не только золотоордынского, с Италией.

Первый очерк – комментарий к посланию Петрарки к архиепископу Генуи Гвидо Сетте, один из пассажей которого посвящен «бедам Скифии», голоду, вынудившему местное население, ранее поставлявшее в Италию зерно, продавать в рабство своих близких. Единственно, что смущает, конечным пунктом этого потока невольников Петрарка называет не Геную, а Венецию... М. Г. Крамаровский не без основания полагает, что экзотическая внешность подобного раба позже привлекла внимание А. Пизанелло, написавшего его на втором плане фрески «св. Георгий и принцесса» в церкви Сан Анастасия в Вероне (1443-1438).

Менее убедительна трактовка автором второстепенных персонажей фрески А. Лоренцетти в церкви Сан Франческо в Сиене, посвященной мученичеству францисканцев, казненных в Тане (Индия!) в 1321 г. Так, он полагает, что, не имея представления об Индии, но, имея его о половцах (те же рабы!), художник изобразил именно их в монгольских костюмах. Половецкая экзотика заменила индийскую, что вероятно, но строго недоказуемо.

Третий очерк посвящен вполне конкретным памятникам, известным по находкам от Константинополя и Варны до Херсонеса и Солхата, – поливной керамике сграффито. Судя по клейму Дуччо, «Брак в Кане» на обратной стороне его «Маэсты» 1311 г. в сиенском Дуомо, этот тип керамики как византийский экспорт не был чужд и Италии. Кроме публикации самих предметов, М. Г. Крамаровский получил возможность, прибегнув к помощи коллег по работе, издать и византийский моливдовул пинкерна (виночерпия) и охарактеризовать сам институт пинкернов в Византии в социокультурном плане, так как, по его мнению, ныне ставшему общепризнанным, именно византийскую посуду изобразил Дуччо в сцене брака в Кане. В очерке приведены немногочисленные образцы данной керамики, как собственно византийские, так и их локальные варианты и подражания (тот же Солхат).

Четвертый очерк посвящен гарнитуре серебряного пояса XIV в., поступившего в Эрмитаж из Северного Кавказа. На четырех из девяти накладок помещен герб, по

мнению М. Г. Крамаровского, принадлежавший арагонскому кругу геральдики, что дало ему возможность развернуть перед читателем впечатляющую картину торговой и военной экспансии Арагона, с 1302 г. владевшего Сицилией в Средиземноморье. В пользу прямых или, что вероятнее, опосредованных через Италию торговых контактов Арагона с Крымом свидетельствуют и редкие образцы люстровой керамики валенсийского производства. Наличие на одной из накладок персонажа в монгольском костюме дало исследователю возможность высказать предположение об изготовлении пояса в одной из итальянских колоний, возможно, в Кафе.

Памятник, найденный в Кафе и созданный неким Михаилом из Падуи в 1331 г., фрагмент сруба колодца, послужил поводом для исследования системы водоснабжения Кафы и Солхата. Действительно сохранилось предельно мало памятников, которые можно твердо приписать местному производству, к тому же так документированных (III.5).

Уникальной является находка фрагментов венецианского стеклянного кубка в хозяйственной яме поселения сельской округи Солхата. Ранее венецианское стекло считалось предметом роскоши и показателем высокого социального статуса его владельца. Признавая принадлежность кубка к кругу муранских изделий, М. Г. Крамаровский в то же время пытается оспорить эту атрибуцию, приводя в качестве аргументов наличие на кубке герба, определенного как принадлежащего семейству Монелья из Генуи, известного в Кафе. По мнению автора, из этого следует два предположения. Во-первых, кубок выполнен по специальному заказу в Мурано, что, на наш взгляд, очевидно, исходя хотя бы из наличия герба заказчика. Во-вторых, мастерская могла находиться вне Венеции и, скорее всего, располагалась в Кафе. Второе предположение имеет право на существование, не будучи опять же строго документированным, как и вывод автора о том, что «рыночная цена на европейское стекло с эмальями оказывается посильной даже для сельского гончара» (с. 239). Но был ли кубок куплен или отнят его новым собственником у представителя семейства Монелья из Кафы? В таком случае новый владелец редкого произведения искусства вряд ли знал его истинную цену, потребляя из него в солхатском захолустье.

Седьмой и последний очерк посвящен уникальному и до сих пор не изданному полностью комплексу погребения местного феодала из Белореченского могильника второй половины XIV – начала XV вв., характеризуемого М. Г. Крамаровским как «адыгский вождь на монгольской службе». В пользу данной гипотезы приводится находка наверху шапки орбелге, аналогичного навершию из Симферопольского клада, и золотого парадного пояса. Термин «монгольской» здесь желателно заменить более точным «ордынской», учитывая датировку погребения. Его инвентарь от стеклянной сирийской бутылки с эмальями и капинной ордынской чаши до итальянских тканей и чаш исследователь характеризует как свидетельство того, что «элита области Кремука жила грабежом купеческих караванов». Полное издание материалов погребения дало бы представление о торговых маршрутах данного периода. Как и о номенклатуре перемещаемых товаров.

В целом можно констатировать, что автором проделана колоссальная работа, продемонстрировано блестящее знание разнообразных источников и литературы, что, впрочем, всегда было присуще исследователям из Эрмитажа. С ним можно соглашаться (малоазийский феномен) или не соглашаться (место производства чаши из Азова), но вопросы, им поставленные и в основном им же разрешенные на современном уровне наших знаний, являются предельно актуальными как для Золотой Орды, так и для Причерноморья и Восточного Средиземноморья в целом. Конечно же, нуждаются в монографическом издании результаты многолетних раскопок автора в Солхате, полная публикация комплексов медресе и мечети, поливной керамики, резьбы по камню и многого другого. Является ли данная работа итоговой? Надеюсь, что нет. И необходимые вышеперечисленные публикации все же появятся и явятся темами дискуссий, как и многие очерки данной книги, в свое время вызвавшие отнюдь не однозначные отклики коллег по принципу «не может быть, потому что быть не может», а позже, в основном, принятые и признанные.

И, наконец, последнее. Что касается полиграфического уровня издания, то продолжающаяся (надеюсь!) серия издательства «Евразия» почти безукоризненна, и в этом, и в редакторском смысле, как, впрочем, и многие другие научные и научно-популярные его издания.